

АГАТА *Лав*

Спецзадание
"ЛЮБОВЬ"

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Агата Лав
Спецзадание «Любовь»
Серия «Парни без рубашек»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68708451

Аннотация

Его зовут Алексей Смирнов. Он мощный брюнет с харизмой “сиди тихо и не рыпайся”. А я похожа на дочку олигарха, которую хотят похитить ради выкупа. Я так сильно похожа на нее, что сойду за приманку. Так что мне придется терпеть этого Смирнова... спецназовца, грубияна и ужасного мужлана!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Агата Лав
Спецзадание «Любовь»

*** * ***

Глава 1

– Поразительно! – выдыхает женщина в синем костюме. – Даже рост такой же!

Она в сотый раз оглядывает меня с ног до головы и смотрит так, словно увидела привидение. Меня же новые совпадения больше не удивляют. Я свыклась с мыслью, что я как две капли воды похожа на Любовь Никольскую. Меня даже зовут так же, я тоже Люба. Только я выросла в обычной семье, а она принадлежит к влиятельной фамилии. Там и нефтяные скважины, и фонды со сложными названиями, и роскошная недвижимость по всему миру. Полный набор могущества.

– Это сильно облегчит нам задачу, – добавляет помощница. – Я соберу вам такой же гардероб, как у госпожи Никольской.

– А как она одевается?

– На свой вкус, – уклончиво отвечает женщина и жестом показывает, что я могу отойти от ростомера.

Вокруг просторная комната с множеством зеркал. Раньше я видела такие примерочные только в пафосных программах, где выбирают свадебные платья. Еще нестерпимо пахнет лавандой! Где-то спрятался ароматизатор, который я бы давно выкинула в окно.

– Я записала все необходимые мерки. Теперь осталось

разобраться с вашей прической. – Женщина взмахивает ладонью, обрисовывая копну моих каштановых волос. – У госпожи Никольской волосы длиннее и светлее на пару тонов.

Она бесцеремонно подхватывает мою прядку и перебирает пальцами. Вскоре на ее лбу появляется хмурая складка, которая подсказывает, что мой шампунь вместе с бальзамом из Ашана проверку не прошли.

– Да, тут надо будет хорошенько поработать, – заключает женщина. – Нарращивание, окрашивание и уходовые процедуры.

– Меня отвезут в салон?

– Мастер приедет сюда, в этом нет проблемы. – Она делает пометку в сотовом. – И еще ваши очки.

Мы добрались до единственного пунктика в моей внешности, который не совпадет с образом Никольской. Я видела ее фотографии и заметила, что она не носит очки.

– Я ненавижу линзы, – произношу твердо. – Я пробовала разные фирмы, но я просто не могу...

– Мы подберем хорошие.

– Но очки же могут быть частью образа? Их иногда носят и с хорошим зрением.

Помощница бросает на меня недовольный взгляд. Она поджимает губы, напоминая строгую учительницу, и выдерживает назидательную паузу.

– Любовь, вам напомнить, что здесь происходит? Вы забылись? Вы подписали договор и должны беспрекословно вы-

полнять его пункты.

– Я не хотела его подписывать...

– Но ваша подпись там стоит. Так что заканчиваете дергать меня по пустякам. У меня нет времени на ваши капризы, а у вас нет на них права. Вы должны выглядеть точь-в-точь как госпожа Никольская! Ее одежда, ее макияж, ее прическа и маникюр – мы пройдемся по каждой мелочи и доведем ее до совершенства. А ваши очки... Господи, да выкиньте их! Они все равно ужасные!

– Они вообще-то помогают мне видеть.

– Вам подберут линзы, – холодно повторяет она. – Точка.

Она молча покидает примерочную, показывая, что разговор окончен. Я сжимаю кулаки и пытаюсь выдумать мантру для самоуспокоения. Лучше всего на меня действуют строчки из договора, которые я успела запомнить. Там были страшные числа с бесконечными нулями в графе “неустойка”. Такие суммы я точно не потяну, а уж идти наперекор столь влиятельной семье, как Никольские, – абсолютное безумие. Я выхожу из примерочной и попадаю в соседнюю комнату, которая выглядит как микс гостиной и старинного кабинета. Здесь вовсю кипит работа. Помощница уже осматривает наряды, которые вкатывают на перекладинах с колесиками. Множество тканей, цветов и брендовых чехлов. Я смотрю на дизайнерское ультрамодное буйство и делаю вывод, что госпожа Никольская одевается ярко и даже вызывающе.

– Эти нужно обменять, – бросает помощница девушке с блокнотом в ладони, в который она быстро делает пометки. – Размер S не подойдет, надо больше. И привезите мне последний заказ, он завис на Пражской...

– Ого-го! – незнакомый мужской голос взрывается задорной гранатой. – Охренеть!

Я поворачиваюсь на возглас и упираюсь взглядом в худощавого блондина с синими глазами. Он замирает в дверном проеме и подносит ладонь к своей груди, изображая сердечный ритм, а потом и его фатальную остановку. Он смотрит на меня с прищуром, а на его тонких губах появляется дерзкая улыбка.

– Она живая? – Блондин кивает в мою сторону и, наконец, переступает порог.

– Да, Игорь, она живая, – устало выдыхает помощница, на секунду отвлекаясь от шелкового платья. – Хватит актерничать.

– Нет, не может быть, мне мерещится.

– Если ты опять всю ночь тусовался, то вполне вероятно.

– Слава богу, ты мне не мать. – Блондин кривится в ответ на шпильку помощницы.

Мне же безумно хочется отступить. Его бесцеремонное внимание ощущается как жаркая волна. Она затапливает меня неловкостью, а каждый его новый шаг издевается над моей зоной комфорта. Он приближается ко мне и продолжает изучать, как зверушку в зоопарке.

– Идеально, – выдыхает он, после чего подносит ладонь к моему лицу.

Я дергаюсь, перехватывая его запястье и следом отбрасывая его руку прочь. Он усмехается на мой выпад, но в глазах зажигается нехороший огонек.

– Тише, ты чего такая дикая? – Он снова улыбается, обнажая белоснежные идеальные зубы. – Мы же не чужие люди, сестренка.

Черт.

Игорь Никольский...

Конечно! Я видела мельком досье, он старший брат Любы, а еще он человек с ужасной репутацией.

– Надеюсь, тебе хорошо платят, – продолжает он. – Потому что из тебя тут душу вынут.

– Игорь, не пугай девочку. Она и так нервничает...

– И правильно делает. – Игорь подмигивает мне. – Тебе же обрисовали ситуацию? До нашей семьи дошла информация, что мою драгоценную сестру хотят похитить. Ради выкупа или шантажа в бизнесе. Поэтому настоящая Любовь пока попьет коктейли на острове в Атлантическом океане, а ты на некоторое время займешь ее место. Поработаешь для нас приманкой.

Он снова поднимает руку и приглаживает воротник моей блузки.

– Нам нужно выйти на этих отчаянных ребят, которые готовят похищение. Наша служба безопасности их схватит, ты

получишь деньги, а моя сестренка сможет вернуться к своей роскошной жизни.

Его пальцы наливаются силой.

– Классный же план? – Игорь опускает взгляд на мои губы и нагло задерживается на них, я улавливаю импульс его мужского интереса, и мне становится не по себе.

– Мне не нравится этот план. – Я качаю головой и отступаю на полшага, чтобы его пальцы перестали прожигать мою одежду. – Мне ничего здесь не нравится. Меня заставили участвовать в этом.

– Тебе понравится. – Никольский криво улыбается. – Я уже вижу, мы найдем общий язык.

Он разворачивается и отходит, но через пару секунд поднимает руку, словно ловит такси.

– Я, кстати, в контрах с Любой. Она поимела меня. Она выбила у отца две трети моих акций, выставив меня ненадежным наследником. – Игорь оборачивается ко мне на мгновение. – Сука, да? Смотри, чтобы я не начал путать тебя с ней. И не захотел поиметь в ответ.

– Игорь! – отзывается помощница.

– Всё, мамочка, всё. Я свалил.

После его ухода в комнате воцаряется давящая тишина. Я переступаю с ноги на ногу, пытаюсь успокоиться. Это сложно, потому что проблемы копятся снежным комом. Десять минут назад мне казалось, что моя беда – это перспектива носить ненавистные линзы, а теперь... Теперь у меня есть

заносчивый “брат” с грязными шуточками.

– Он всегда такой? – спрашиваю у помощницы, поднимая голову.

– Он бывает хуже, – неожиданно прямо отвечает она. – Наверное, на сегодня хватит. Я вызову охрану, и тебя отвезут в отель.

– Со мной постоянно будет охрана?

– Да, об уединении можешь забыть.

Глава 2

К черному входу подают немецкий мини-фургон. Я слеую за охранником, который показывает дорогу, а потом открывает мне дверцу.

Я действительно устала, поэтому толком не смотрю по сторонам. Забираюсь в мягкое кресло, кладу рядом сумочку, пристегиваюсь ремнем безопасности. Да, я из тех параноиков, которые делают это даже на заднем сиденье. Я попала в аварию, когда мне было шестнадцать, и с тех пор решила, что лучше перестраховаться. Хотя из удивленных взглядов, которые я ловила от знакомых и водителей такси, можно собрать целую коллекцию.

– В “Дуглас”, – доносится чей-то приказ водителю.

Вообще-то у отеля другое название, но охрана называет его на свой манер. Я оказываюсь перед дверью своего номера через полчаса. Молчаливый бодигард, напоминающий робота, проходит первым и методично осматривает комнату за комнатой. Это занимает порядочно времени, ведь в номере можно заблудиться.

Это, наверное, люкс.

Президентский?

Или как их называют?

Я сбрасываю туфли на высоком каблуке прямо у порога и направляюсь в ванную. Мое внимание привлекает двойная

раковина, которая идеально подошла бы для супругов. На столешнице из камня стоит стопка белоснежных полотенец с фирменным лого отеля. Я беру верхнее и подставляю его под струю теплой воды. Нужно снять макияж.

– Как будто офтошопили, – выдыхаю, поворачивая голову из стороны в сторону.

Я умываюсь, потом осматриваю шкафчики в поисках домашней одежды. На глаза попадают только махровые халаты. Я примеряюсь к тому, что поменьше, но доносящийся из-за двери голос охранника отбивает всякую охоту раздеваться, а потом идти в одном халате через весь номер. Посторонние мужчины меня смущают.

– ...слышал новости? – говорит тот же голос. – Завтра Смирнов прилетает. Будет нами командовать, его главой службы безопасности поставили.

– Да, слышал. Его из Хмеймим вызвали, он злой как собака.

– Значит, попадем под горячую руку.

– Без вариантов, – слышится усмешка. – В гробу он видел охрану богатенькой девчонки.

Когда я выхожу, голоса стихают. Хотя мужчины ни в чем себя не стесняют. Они расположились в мягкой зоне рядом с электрическим камином: на низком столике стоят два раскрытых ноутбука, целая упаковка энергетиков и меню из местного ресторана. Один из них – с наушником, который свисает с уха, как сережка, – поворачивается ко мне и кивает

с легкой улыбкой, словно чувствует мою нервозность.

– Спальня в самом конце. Справа.

– Спасибо.

Я уйду, держа в руках халат, который взяла на всякий случай. Правда, в спальне оказывается одежда. Пижама кофейного цвета лежит на кровати, а рядом находится чехол с ярко-желтым стикером. На нем размашистым почерком кто-то написал “Надеть утром. Аксессуары в коробке на тумбочке”.

Я срываю стикер и устало выдыхаю. День выдался тяжелым, я вымоталась, а тут новые и новые приказы. Я пытаюсь перестроиться и убедить себя, что это всего лишь моя работа. Что-то вроде командировки в неприятный город, которую надо просто-напросто вытерпеть. Говорят, когда ситуацию невозможно исправить, остается только менять свое отношение к ней.

Через пару минут я срываю еще один стикер с посланием “Будильник сработает в 8.00”. Его наклеили на электронные часы, чтобы я не проспала. Я снимаю очки и забираюсь под одеяло.

Всё, надо спать, а не злиться.

Но когда всё было так просто? Вместо сна я кручу в голове новые имена, которые ворвались в мою жизнь. Любовь Никольская. Игорь Никольский. Какой-то Смирнов, который прилетит завтра злой как собака. Помощница... Я не запомнила ее имя, но уверена, что ещё не раз ее увижу. И я уже сде-

лала вывод, что она не простой работник, если вспомнить, как она общалась с Никольским. Она явно на хорошем свету или высокой должности...

Трель будильника бьет по ушам! Я даже не сразу понимаю, где я. Я так крепко заснула, что совершенно забылась. Но какой же ужасный звук! С ним эвакуацию из дома надо объявлять! Я на ощупь ищу часы, но неудачно дергаю ладонью и сваливаю их с тумбочки. Вместе со своими очками!

Я понимаю это по характерному треску. По нему легко догадаться, что очков у меня больше нет.

Шикарное утро.

Перед глазами все расплывается, без очков я как слепой котенок. Особенно в новом месте. Я нахожу трубку отельного телефона, но не знаю, какую кнопку надо нажать. Наверное, лучше выйти в гостиную и попросить помощи. Там точно должна быть охрана, а может, и кто-то из ассистентов уже появился.

Я кое-как добредаю до двери. Делаю всего шаг за порог и ударяюсь обо что-то железобетонное!

– Ох, – глупо выдыхаю, отскакивая в сторону, как мячик для пинг-понга.

– Доброе утро, – грозный баритон заставляет поежиться.

Я запрокидываю голову и угадываю в мутной дымке большой мужской силуэт. Он стоит прямо передо мной, но черты лица рассмотреть невозможно. Моего зрения хватает лишь на то, чтобы узнать, что на нем черная одежда.

Еще от него пахнет сигаретами.

– Я шел поторапливать, – продолжает баритон. – Планы поменялись, надо уезжать.

– А вы кто?

Вместо ответа я улавливаю смазанное движение. Он что, только что помахал ладонью в сантиметре от моего носа?

– У тебя проблемы со зрением? – спрашивает мужчина.

– Я разбила свои очки.

– Я другое спросил.

– Я тоже спросила. – Я наугад выбрасываю руку, понимая, что он снова машет перед моим лицом, и попадаю по его запястью, оно у него широченное и жилистое. – Да хватит! Это раздражает! Лучше скажите, кто вы!

– Твой телохранитель, девочка. Запасные есть?

– Что?

– Очки запасные есть? – по его холодному голосу слышно, что он теряет терпение.

– Нет. – Я качаю головой.

– Тогда давай руку. Я доведу тебя до машины.

– Я еще не умылась...

С его губ слетает тяжелый выдох. Он как будто выпускает лютую дозу раздражения вместе с воздухом. Следом до меня долетают шорохи, я не понимаю, что мужчина делает, и нервно дергаюсь, когда он крепко и бесцеремонно обхватывает мою ладонь. Я не успеваю возмутиться, он отпускает, но в моей ладони остается что-то маленькое и прямоугольное.

– Ментоловая, – сообщает баритон. – Руку дашь? Или закину на плечо.

Закинет на плечо?

Пока я пытаюсь осознать его угрозу, он претворяет ее в жизнь. Один рывок – и дело готово! Я взмываю вверх и через мгновение оказываюсь с незнакомцем в излишне интимной близости. Он перебрасывает мое тело через свое плечо и тут же разворачивается. Я же задыхаюсь от возмущения, оно клокочет внутри меня и вырывается наружу лишь переключенным дыханием.

– Да что вы делаете?! – ко мне, наконец, возвращается голос. – Отпустите меня! Сейчас же!

Он не реагирует.

Совершенно.

Он куда-то несет меня и даже не перехватывает мои руки, когда я пытаюсь соорудить что-то отдаленно похожее на удар. К слову, бить его – себе дороже! О его каменное тело скорее поранишься, чем нанесешь ему какой-нибудь урон.

– Стоим, – бросает мне мужчина и спускает со своего плеча.

Я пачусь от него, только отойти некуда. Я наталкиваюсь спиной на прохладную стенку и вскоре понимаю, что мы оказались в кабинке лифта. Кроме нас здесь есть еще один охранник, который нажимает кнопку на панели, бросая в мою сторону короткий взгляд. А вот хам, который представился моим телохранителем, даже не думает отступить. Он

встал так, что практически зажал меня в углу кабинки.

– Машину уже подали? – спрашивает он у охранника.

– Да, ждет в подземке.

– Почему мне никто не сказал, что она слепая?

– Она не...

– Я не слепая, – я перебиваю охранника и даже приподнимаюсь на носочках, словно существует шанс заглянуть в лицо этого хама. – И не надо говорить обо мне третьем роде, я вообще-то здесь нахожусь...

– Какая на мне рубашка? – кидает он мне.

– Черная.

– Черная? Рубашка?

Он снова сдавливая мою ладонь и наталкивает на свою грудь. Мои пальцы касаются мягкой ткани, под которой бугрятся мускулы. Мужчина нажимает сильнее, чтобы мои пальцы прошлись по ложбинке, там, где у рубашки должны быть пуговицы.

Но их нет.

Это футболка, а не рубашка.

– Мне нужна ее медицинская карта, – хам вновь обращается к охраннику. – И нормальное досье, а не та ксерокопия из паспортного стола.

– Я могу сама рассказать о себе.

– Я не доверяю словам, – он холодно усмехается. – Особенно когда люди говорят о себе.

Лифт останавливается на минусовом этаже. Я угадываю,

что меня вот-вот снова погрузят на плечо, и поэтому быстро протягиваю ладонь вперед.

– Руку! Я даю руку! – выпаливаю скороговоркой, выбирая меньшее из зол.

Длинные сильные пальцы обхватывают мое запястье, а потом спускаются ниже и берут в капкан. Моя ладонь буквально утопает в его захвате. Я чувствую его огрубевшую кожу, которая явно хорошо знает, что такое физический труд. Он вообще весь такой: жесткий, brutальный, давящий. От него исходит сугубо мужская энергетика, с которой приходится бороться каждую секунду.

Я с трудом ловлю его темп, чтобы не отставать. Или это он притормаживает, когда я едва не спотыкаюсь? Так или иначе он уверенно ведет меня вперед, а я молюсь о том, чтобы моя ладонь не начала потеть из-за перенапряжения. И из-за его горячих пальцев.

– Стоим, – говорит он, повторяясь.

– Любимое слово?

– Что?

Моих волос касается его раздраженный выдох. Мне кажется, он действительно готов поверить, что ослышался, поэтому и переспрашивает. Он настолько не привык, что ему могут дерзить? Не знаю, где он работает, но, похоже, там беспрекословно выполняют все его приказы.

– Вы Смирнов? – я припоминаю фамилию, которую услышала вчера. – Который прилетел из какого-то Хмеймим? Что

это, вообще, такое? Место сбора хамов?

Еще один выдох. Только злой, напоминающий рык.

Мужчина накрывает мои губы ладонью и сдавливает так, что я ощущаю болезненные уколы. Он буквально обжигает меня своей мощью, которую контролирует, но мне хватает совсем маленькой дозы, чтобы всхлипнуть от страха.

– Леш, – зовет второй охранник, оказываясь рядом. – Она не знает, что несет. Она совсем молодая... дурная. Отпусти ее, а то она плакать будет всю дорогу.

– Иди к водителю, – приказывает ему мужчина.

Охранник понимает с первого раза. Я слышу его шаги, а следом и хлопок дверцы.

– Да, я Смирнов, – бросает мне мужчина, разжимая пальцы. – Лучше тебе больше ничего обо мне не знать.

С этими словами он подталкивает меня к машине.

Когда я попадаю в салон, на кого-то натыкаюсь. Я так спешу отодвинуться как можно дальше от Смирнова, что не замечаю другого человека.

– Простите...

– Ничего страшного, – отвечает знакомый голос.

Это помощница, имя которой я так и не вспомнила. Она сидит рядом, а вот Смирнов занимает место напротив. К счастью, внедорожник такой просторный, что сзади можно поместиться вшестером.

– Это недопустимо, – продолжает помощница, переключаясь на строгий тон.

– Что именно? – отзывается Смирнов.

– Вы поменяли весь план без согласования со мной, я едва успела приехать...

– Так, дамочки, я похож на няньку? Закрыли все обсуждения. Я не лезу в ваши дела, вы не лезете в мои. За что вы там отвечаете? За цвет ее ногтей? Вот и занимайтесь.

Я чувствую разгоряченные волны вражды. Они проходят сквозь меня, так что я непроизвольно вжимаюсь в кожаную спинку. Зря я назвала внедорожник просторным: если они продолжат в том же духе, тут станет очень тесно – и очень быстро.

– И найдите ей очки, – добавляет мужчина. – Она как слепо́й котенок.

Она.

Он снова говорит обо мне в третьем лице.

– Мне говорили, что с вами будет трудно, – шипит помощница.

– Я всегда оправдываю свою репутацию.

– Зря вы так, майор. Я ведь найду на вас управу...

– Давайте. Увольте меня, и я свалю заниматься делом, а не этим долбаным цирком.

Следует несколько тяжелых выдохов. Но помощница заканчивает разговор со Смирновым и переключается на меня. Она придвигается ближе, касаясь моего локтя.

– Любовь, в нашем графике произошли изменения. Мы сейчас едем в загородный дом, там у нас будет два дня, что-

бы подготовить вас как следует. После вы с братом... то есть с Игорем Никольским отправитесь в небольшое турне, если это можно так назвать. У Никольских есть фонд помощи людям с зависимостями, вы посетите несколько официальных встреч по поводу открытия новых центров реабилитации.

– Я поняла. – Я киваю. – Вы сперва потратите время, чтобы научить меня вести себя как настоящая Любовь, а потом выставите на публику.

Как приманку. Никольский так и сказал, он назвал меня приманкой для похитителей.

– Называйте как угодно, – отвечает помощница. – Я подготовила для вас анкету госпожи Никольской, там ее короткая биография, вкусы, любимые словечки. В общем, ознакомьтесь.

Она кладет мне на бедра кожаную папку.

– Я приеду к вам вечером, а пока что прощаюсь. У меня еще есть дела в городе.

Она выходит из машины, а я остаюсь со Смирновым наедине. Если не считать водителя, который наконец заводит мотор и трогает. Я не могу переключиться и зачем-то думаю о том, что этот грубый незнакомец сидит рядом.

– Вы курите? – спрашиваю его, когда до меня долетает тяжелый запах.

– Это проблема?

– Если честно, да. Я не переношу запах сигарет.

– День становится все лучше, – цедит Смирнов.

Но сигарету тушит. Я слышу, как шелестит опущенное стекло, а в салон врывается поток воздуха с улицы. Я коротко смотрю в его сторону. Но ничего нового рассмотреть не могу, только массивный грозный силуэт в темной одежде. Хотя я ловлю себя на том, что начинаю дорисовывать его внешность. Воображение бежит впереди событий, и я уже представляю, что у него тяжелые, наползающие на глаза брови, смуглая кожа и квадратный подбородок.

И шрам.

Или татуировки. Что-нибудь с волками или оружием, ведь brutальные мужики набивают именно это.

– Дай я, – бросает Смирнов, когда я принимаюсь мучить ремень безопасности, но не могу попасть язычком в замок.

– Я справлюсь сама...

Ему это удастся с первой попытки. Он силой вытягивает ремень из моей ладони, а еще через секунду до меня доносится характерный щелчок. Смирнов не разговаривает со мной весь остаток дороги. Лишь пару раз бросает приказы в рацию, которая отзывается электрическим треском. Он первым выходит из машины и остается стоять у дверцы, ожидая меня. Я пытаюсь двигаться как можно увереннее, но металлический порожек оказывается предательски скользким.

Смирнов реагирует молниеносно. Он подхватывает меня, даже не напрягаясь, и ставит на землю. В таких ситуациях обычно говорят “спасибо”, но я думаю о том, что он слишком часто дотрагивается до меня. Хотя сейчас даже возмутиться

не с руки.

– Доведи ее, – говорит он кому-то, после чего отступает в сторону.

В дом меня провожает другой охранник. Он передает мне папку, которую я благополучно забыла в машине. Проходит еще несколько минут, и рядом появляется девушка со звонким голосом. Она протягивает мне футляр с очками, за что мне хочется ее расцеловать.

Глава 3

Любовь Никольская любит белое вино и устрицы.

Поездки в экзотические страны и закрытые вип-вечеринки.

Еще она коллекционирует романы с именитыми спортсменами. В папке я нахожу романтические фотографии, где ее обнимает то первая ракетка мира, то раллийный гонщик, то серфер, покоровший волну высотой в семнадцать метров, то парень, который выступает за заокеанский баскетбольный клуб.

Она получила образование за рубежом, поэтому говорит на английском без акцента. У нее есть своя дизайнерская линейка одежды, косметический бренд и еще десяток компаний, которые существуют на деньги ее отца. Я читаю строчки ее биографии и убеждаюсь, что между нами нет ничего общего. Кроме внешности. Хотя тут тоже есть осечка. У Никольской нагловатый взгляд холодной стервы, а я смотрю в зеркало и буквально вижу в своих глазах бегущую строчку: “Отпустите меня домой, пожалуйста”.

Я отбрасываю папку в сторону, когда ко мне приходит парикмахер. Он приводит с собой целую команду ассистентов, которые быстренько превращают гостиную в профессиональную студию. Даже ставят дополнительный свет и заносят массивное черное кресло с раковиной.

Я вспоминаю, что помощница сказала, что на подготовку отведено два дня. Так что все делается стремительно и без лишних разговоров. Со мной так и вовсе никто не обменивается словами. Я в упор смотрю на парикмахера, но он обращает внимание только на мои волосы. И ничего не спрашивает, он явно уже получил все указания и точно знает, что нужно сделать с моим образом.

– Цвет свой? – он обращается ко мне впервые через пятнадцать минут, когда показывает ладонью на кресло.

– Свой.

Он кивает и немного кривится, словно я сделала что-то преступное.

– А это не больно? – спрашиваю его.

– Что именно? – не понимает он.

– Нарачивание, – подсказываю, ловя его взгляд. – У меня подруга делала, так она спать не смогла. Все давит, тянет... Да и пока крутили в студии, намучилась.

Я сочиняю. Меня банально несет. Я вижу, что он смотрит на меня как на простушку, которая ничего не смыслит в модных тенденциях колористики, и подыгрываю ему.

– Хотя сделали ей прикольно, – подытоживаю. – Цвет мне понравился. Такой блонд шикарный с желтым отливом.

– С желтым? – шуруется парикмахер.

– Ага. Давайте мне так же?

– Я постараюсь, – цедит он и трогает спинку кресла, отворачивая меня от зеркала.

Он бросает распоряжения своим людям. После чего вкладывает беспроводные наушники в уши и переключается на мои волосы. Я в какой-то момент полностью отпускаю ситуацию: прикрываю глаза и просто-напросто жду результата.

А подождать приходится! Даже с кучей ассистентов дело занимает несколько часов. Когда я уже не чувствую спину, мне приносят чашечку кофе, а в проеме я замечаю помощницу. Женщина уверенным шагом проходит к креслу и придирчиво оглядывает мою прическу.

– Тамара, я еще не закончил, – бросает ей парикмахер.

Тамара.

Теперь-то я запомню ее имя.

– Мне уже нравится, – женщина успокаивает его и ласково проводит по плечу. – Ты исправил единственный дефект в ее внешности.

– Я оставлю уходовые средства. Нужно будет попитать волосы, иначе даже мои золотые руки окажутся тут бессильны.

У меня на языке вертится фраза, что у меня дома есть отличный бальзам от бабушки Агафьи. Но я лишь устало выдыхаю. От пререканий легче не становится, я все равно все сильнее чувствую себя куклой в чужих руках. Поэтому я не испытываю никаких эмоций, когда мастер заканчивает и дает взглянуть в зеркало.

Да, объективно я стала выглядеть лучше. Длинные густые волосы с блестящим отливом и модным оттенком – просто мечта. Но мне не по себе от оценивающих взглядов, которые

устремились на меня со всех сторон.

И так проходит весь день. Щелкают много фотографий, приносят наряды и аксессуары, чтобы сделать последние примерки и полностью укомплектовать мой гардероб.

– Вот сюда. – Тамара показывает на отметку, на которую я должна встать. – Нужно сделать несколько пробных проходов.

Рядом с помощницей крутится еще одна девушка – Ксения. Именно она принесла мне очки, когда я только вошла в дом.

– Проходок?

Я смотрю на белый крест из малярного скотча. Две полоски наклеили прямо на пол, словно произойдет трагедия, если я промахнусь на пару сантиметров.

– Именно. – Ксения кивает. – Я приготовила три пары обуви. Там разная величина каблука. Вы вообще носите высокие каблуки?

– Редко.

– Плохо, – обреченно выдыхает девушка. – В любом случае мне нужно взглянуть на вашу походку.

– Это так важно?

– У госпожи Никольской легко узнаваемая походка. – Ксения бросает взгляд на Тамару, которая отошла к рабочему столу, и добавляет еле слышно: – Специфичная... Она двигается резко и часто проводит ладонью в воздухе. Вот так.

Ксения чертит рукой строгую линию от себя ко мне.

– Я покажу вам ролик. Но самое главное – она очень любит высоченные каблукки.

– Плохо, – выдыхаю я.

Ксения вспыхивает, пугаясь, что Тамара нас услышит. Она снова оглядывается через плечо, но через мгновение робко улыбается.

– Самую высокую пару можно убрать, – произносит Ксения. – Неприятности ни к чему. А вот с этими придется совладать.

И она протягивает мне две фирменные коробки. Я опускаюсь на пуфик и примеряю первую пару – босоножки с черными бархатными лентами на среднем каблуке. Хотя с моей любовью к кроссовкам даже он выглядит травмоопасно.

– Вот ролик. – Ксения наклоняется ко мне и запускает видео на планшете.

Минут пятнадцать я сосредоточенно смотрю в экран. Пытаюсь запомнить манеры другой девушки. Ксения оказалась права, Любовь Никольская двигается стремительно и даже, пожалуй, агрессивно. Как будто хочет сразу донести до окружающих мысль, что с ней лучше не шутить.

Я поднимаюсь с пуфика и перевожу взгляд на большое зеркало напротив. Нужно сосредоточиться и как-то скопировать. Хотя какая из меня актриса... Но я пробую. Делаю несколько шагов, потом возвращаюсь к ролику, потом снова прохожу перед зеркалом. Мне не хватает пластики – не в том смысле, что я хочу быть гибче и элегантнее, а в том, чтобы

почувствовать свое тело как пластилин. Все-таки это отдельная профессия, люди оканчивают актерские вузы, чтобы решать подобные задачи.

– Лучше, – сухо комментирует Тамара через час, когда мне уже хочется сыпать проклятиями.

Ксения передает мне вторую коробку, в которой я нахожу зеленые туфли на шпильке. Борьба с ними занимает еще час. У меня не выходит повторить походку Никольской на сто процентов, но на конкурс двойников я уже гожусь. Особенно когда я переодеваюсь в ее одежду, а стилист не жалеет украшений.

Тамара подходит ко мне вплотную и поправляет локоны. Я замечаю, как ее взгляд теплеет, подсказывая, что ей нравится то, что она видит. Но она молчит и передает меня в руки следующему мастеру. Меня снова заставляют тренировать походку, разрешая отвлечься лишь на кофе с круассаном с персиковой начинкой, потом подводят к разным предметам мебели и показывают, как я должна садиться на стул или диван.

Как поправлять спавшую с плеча сумочку.

Как смотреть на наручные часы.

Каким тоном разговаривать.

Каким смехом смеяться.

Как пользоваться списком контактов в сотовом.

Этих “как” так много, что я почти плачу от счастья, когда дело доходит до вечера и меня отпускают отдыхать. Я подни-

маюсь на второй этаж вместе с Ксенией, которая вызвалась показать мне мою спальню.

– Продуктивный день, – замечает она, чтобы сгладить повисшее молчание. – Я скажу, чтобы вам принесли ужин в комнату.

– Нам обязательно общаться на “вы”?

Ксения задумывается, а потом виновато закусывает нижнюю губу.

– Вы можете обращаться ко мне на “ты”, Любовь Никольская обычно так и общается с помощниками...

– Да, мне сегодня об этом сказали.

– Но мне нужно обращаться к вам на “вы”. Лучше не нарушать правила, чтобы потом не сбиться.

– Это да. – Я киваю. – А если честно, у меня получается? Я смогу изобразить ее?

– Я думаю, да. Вы очень похожи. Как близняшки...

– Но голоса все-таки разные.

– Вокруг вас будут свои люди, а чужим можно просто фыркать.

Я коротко смеюсь, представляя себе эту картину.

– Вот эта дверь. – Ксения обхватывает позолоченную ручку. – Я пойду потороплю кухню, чтобы не тянули с ужином.

– Спасибо.

Я захожу в спальню, щелкаю выключателем и пораженно выдыхаю. Комната по размеру напоминает целую квартиру, тут и мебели наберется на хорошую трешку. Я отмечаю боль-

шую кровать с балдахином, рядом с которой стоят кушетка и два кресла, чуть подальше устроена еще одна мягкая зона с камином, а с другой стороны вовсе поставили ванну.

– Интересно, – произношу, обходя ванну посреди спальни.

К счастью, привычная ванная комната здесь тоже есть. Я заглядываю за другую дверь и нахожу ее там. На то, чтобы принять душ, сил не нахожу. Я умываюсь, снимаю макияж и наношу на лицо крем, который первым попадает под руку. Целая горсть небольших тюбиков лежит в корзинке между раковинами.

– Минутку, – отзываюсь, слыша стук в дверь.

Я возвращаюсь в комнату с полотенцем в ладонях, которым промакиваю излишки крема. Тот оказался слишком жирным. Надо все-таки взять за правило сперва читать этикетки.

– Обслуживание номеров, – сообщает смутно знакомый голос.

Я не успеваю распахнуть дверь, ее толкают с той стороны без моей помощи.

Черт.

Я вижу перед собой Игоря Никольского. Он усмехается, замечая мое удивление, и буквально продавливает меня, чтобы войти внутрь. В его ладонях действительно зажат поднос с ужином.

– От тебя вкусно пахнет. – Он задерживается и проводит

лицом над моей головой, глубоко вдыхая. – Новые духи?

– Крем.

Я отступаю, сохраняя дистанцию между нашими телами. На это Никольский снова расслабленно усмехается, после чего направляется к моей кровати. Он ставит на нее поднос и падает рядом, сменяя ряд декоративных подушек.

– Так и будешь там стоять?

Никольский подпирает ладонью голову, а второй рукой тянется к подносу. Он снимает крышку с тарелок, и я вижу на ней бутерброды с ресторанной сервировкой. Тонкие слейсы чего-то зеленого, художественные брызги соуса и крафтовый хлеб. На второй тарелке то ли пудинг, то ли запеканка. Но Никольский дотрагивается до небольших барных бутылочек. Он ловко подхватывает их, зажимая между пальцами, и встряхивает.

– Отметим? – бросает он.

– Что?

– Ты классно выглядишь, – он за мгновение придумывает ответ. – Чем не повод? И на тебе короткая юбка...

Его взгляд уплывает вниз, касаясь моих бедер. Я на нервах делаю шаг, попутно проклиная, что не успела переодеться после экспериментов стилиста.

– По легенде я твоя сестра. Разве тебе можно заглядываться на мои ноги?

– Я из порочной семьи, мне можно все.

Никольский приподнимается, садясь, и криво улыбается

мне.

– Только мелкие люди бывают совершенно нормальными. Слышала такую фразу?

– Нет, не слышала. – Я качаю головой.

– Да иди сюда, я не кусаюсь.

Он отсаживается подальше и ставит одну бутылочку на прикроватную тумбу. Со второй он срывает крышку, бросая ее себе под ноги, и делает пару глотков. Я же все-таки прохожу вперед. Внутри поднимается тревожная волна, но я понимаю, что мне придется иметь с ним дело. День за днем.

– Как сестра тебя называет? – я пытаюсь завести нормальный разговор.

– Мудаком. – Никольский чуть наклоняет голову, из-за чего челка падает на его глаза. – Иногда подонком, как минимум раз в неделю бываю ублюдком.

– Я серьезно.

– Я тоже. – Он делает еще глоток виски, кривясь. – Игорем, зови меня Игорем. Не надо никаких уменьшительно-ласкательных, в нашей семье так не общаются. Можешь вообще по фамилии звать, это никого не удивит.

– Хорошо.

Я дохожу до кровати и смотрю на поднос. Но аппетита нет. Мне бы сейчас убрать поднос с постели вместе с Никольским и лечь спать – вот это было бы славно.

– Ты слишком осторожная, – хмурится Игорь. – Правильная до тошноты, как в коконе... Люба вообще не такая.

– Я просто устала, день был длинным.

– Уложить тебя?

Я поворачиваюсь к нему, готовясь увидеть подтрунивающую ухмылку. Но Никольский допивает бутылку из мини-бара и поднимается на ноги. Он наклоняется к подносу, задевая локтем мою руку, и убирает ужин с кровати. После чего он рывком срывает с кровати покрывало, под которым оказывается модное белье из черного шелка.

– Выключатели должны быть тут. – Он опять возвращается к прикроватной тумбе.

Над ней и правда установлена панель с кнопками. Никольский без раздумий бьет по ним и погружает комнату в полную темноту. Я шумно выдыхаю, не ожидая такого развития событий, но раздается еще один щелчок, и рядом с камином зажигается одинокий торшер. Этого явно недостаточно для большой комнаты, легкое желтоватое свечение едва доходит до кровати и едва-едва обрисовывает предметы.

– Игорь! – почти вскрикиваю, когда чувствую его длинные пальцы на своем запястье.

– А кто же еще? Здесь только я, конфетка.

Он не думает отпускать меня. Он тянет мою руку так, чтобы я повернулась к нему. Я ощущаю, как его тягучий выдох приходит сверху и касается моего лица. Я стою прямо перед ним и остро чувствую, как он нажимает пальцами сильнее. А потом он дергает со всей силы и опрокидывает меня на кровать. Прохладный шелк напоминает волны. Я падаю в них,

но сверху тут же приходит жаркий прилив. Игорь ложится на меня, придавливая своим весом, а широкой ладонью накрывает мои губы.

– Тише, только не кричи, – произносит он все тем же ослабленным тоном, словно мы играем в увлекательную игру. – Ты сама сказала, что устала. Я всего лишь убаюкаю тебя. По-братски...

Он смеется и выдыхает мне в лицо, отгоняя сбившиеся прядки волос.

– Или не будем спать? Я знаю, чем можно еще заняться.

Я стараюсь не думать о том, как высоко задралась моя юбка. Мне душно и тяжело, он буквально вдавил меня в матрас и шепчет на ухо, заставляя чувствовать его горячее дыхание. Я пытаюсь скинуть его ладонь. Мотаю головой, бьюсь, но вспышкой нахожу другое решение. Я размыкаю губы и ловлю его средний палец зубами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.